

Тагил. Но опять удивительный случай. Ещё до стадии дипломного проектирования я был направлен на преддипломную практику в управление автогрузового транспорта Моссовета. В этом управлении мне назначили руководителем практики от производства (так называлась эта оплачиваемая государством работа) видного и опытного специалиста П. П. Стриженова.

Именно он в период прохождения практики предложил мне тему дипломного проекта, который, будучи выполненным, заинтересовал работников этого учреждения. Когда же, через несколько дней после защиты дипломного проекта, я зашёл проститься с людьми, среди которых я проходил практику и писал дипломный проект, я совершенно неожиданно услышал от руководителя практики вопрос: «Не захочу ли я остаться у них работать»? Я и сейчас, спустя 55 лет, не могу определить, какое чувство я испытал при этом. Ведь я уже находился в распоряжении Министерства автомобильного транспорта России, в состав которого московское управление не входило. Я и представить себе не мог, как такое предложение может быть реализовано. Понятно, согласие я выразил немедленно. Мне сказали, что они попробуют что-нибудь сделать, чтобы я пришёл через 2-3 дня. Через 2 дня мне вручили на руки маленькое письмо, в нескольких строках которого было сказано, что управление автогрузового транспорта Моссовета просит направить в его распоряжение такого-то выпускника института. И всё. И подпись начальника этого управления, который подписал письмо, никогда меня не

видя, т. е. полностью доверившись работникам, подготовившим запрос.

Взяв в руки письмо, не питая при этом к нему никакого уважения и надежды на благополучный исход, я отправился на приём к заместителю министра по кадрам, который, к моему удивлению, меня принял и, ознакомившись со мной и зачётной книжкой, сказал, чтобы я пришёл через 2 дня. Когда я пришёл за ответом, то я получил его из рук секретаря в виде направления на работу в Москву. Я не верил своим глазам и свалившемуся на меня счастью. Потом мне объяснили, что начальник, подписавший этот запрос, пользуется особым уважением среди московского и российского руководства (напоминаю, в то время было ещё и союзное руководство). Что это уважение было заслуженным, я убедился за все 34 года последующей работы с ним.

Московское начало

В 1944 году я поступил в Московский автомобильно-дорожный институт. Он находился тогда на Садово-Самотечной улице, недалеко от Центрального рынка на Цветном бульваре. Для меня это было известное удобство, так как жил я в Большом Сухаревском переулке и дважды в день проходил мимо этого бурлящего места. Хотя рынок формально был продуктовым, купить и продать на нём можно было всё, что угодно.

В 1944 году наши армии переступили, наконец, государственную границу страны, и в тыловые районы

хлынул огромный поток так называемого «трофейного» имущества. Его привозили солдаты и офицеры, прибывающие в страну на лечение после ранений, в кратковременный отпуск, в командировку, демобилизованные по состоянию здоровья. Кроме того, много было почтовых посылок.

Под флагом «трофейного» можно было продать всё, что угодно. Рынок превратился в огромный прилавок, и продукты питания уже не занимали в нём главенствующую роль. В те годы вплоть до декабря 1947 года распределение основных продуктов питания осуществлялось по карточной системе с исключительно низкими ценами на нормируемые продукты. Аналогичные продукты на рынке и в особях, так называемых «коммерческих» магазинах продавались по ценам, превышающим карточные в десятки раз. Такая ситуация представляла огромный интерес для людей, в той или иной степени соприкасавшихся в торговлей, так и для разного оборотистого люда.

Карточки на продукты питания получили в последние годы войны и в первые послевоенные годы весьма широкое разнообразие. Хлебные карточки делились, в основном, на 3 категории: для рабочих — 800 граммов хлеба в день, для служащих — 600 граммов, для иждивенцев — 400 граммов. Карточки на сахар, масло, мясо, рыбу, крупу также были дифференцированы по этим трём категориям. Были и карточки специального назначения для больных теми или иными заболеваниями. Например, карточки для нуждающихся в дополнительном питании

выдавались на предприятиях и организациях по специальным справкам медицинского учреждения. Они назывались официально «УДП» — усиленное дополнительное питание, а в народе переводились «умрёшь днём позже». Были карточки, по которым продукты можно было купить только в определённый указанный на отрывном талоне день месяца. Были карточки, которые могли быть «отоварены» (так назывался процесс покупки по карточкам) в любой день месяца, а это означало, что по таким карточкам можно было получить месячный хлебный рацион одновременно, например, для едущих в командировки.

Всё это разнообразие карточек и талонов представляло определенные возможности для спекуляций. Например, карточка с талонами на каждый определённый день месяца продавалась за какую-то сумму, самую низкую, потому что получать по ней хлеб предстояло целый месяц. Хлебные же карточки без указания дня получения хлеба стоили в полтора раза дороже. Такие талоны выдавали командировочным, приезжающим на длительную побывку, военным, а также (внимание, самое главное) опоздавшим представить вовремя на место работы, учёбы и т. п. стандартную справку из домоуправления, что ты жив и прописан у них. Такая справка должна была представляться в карточное бюро по месту службы каждый месяц не позднее 25го числа. Кто по каким-либо причинам (как правило, признанных уважительными) её вовремя не представлял, то ему выдавались талоны без указания определённого дня. Они назывались «пятнадцатками», так как печатались на каждом бланке по 5 талонов.

Так вот, отдельные студенты (сужу по своему институту) правдами и неправдами добивались получения хлебных карточек в виде «пятидневок», немедленно их отоваривали, продавали в этот же день полученный хлеб, а на вырученные деньги покупали карточки с талонами на определённый день месяца, получая при этом заработанные вполне законно (как они считали) дополнительные средства к стипендии, которая была весьма невелика. Все эти торговые операции проводились на Центральном рынке.

Помимо карточек, было ещё огромное количество различных талонов на промышленные товары (обувь, галоши, одежда и т. п.), лимитных книжек, суррогатов денежных знаков при посещении коммерческих магазинов и ресторанов высшего класса. Надо сказать, что как магазины («Елисейевский», «Смоленский» и ряд других), так и рестораны («Москва», «Метрополь», «Гранд-отель», «Арагви» и ряд менее известных) были очень высокого класса — отменные продукты, высокий уровень обслуживания работниками, видимо, не потерявшими ещё навыки дореволюционного опыта.

Цены в этих ресторанах были достаточно высокими. Вот, стимулируя посещение этих заведений, государство выпускало для определённой категории лиц лимитные книжки с отрывными талонами на право получения скидок с суммы счёта. Лимитные книжки были, если мне память не изменяет, на право получения скидки в размере 15, 25 и 35 %. Выдавались они офицерам, служившим в Москве и

приезжающим в Москву на длительный срок (месяц и более). Военные, особенно приезжающие на время с фронта, получали довольно значительную зарплату и могли посещать дорогостоящие рестораны. Для облегчения им и некоторым другим категориям работников оплаты ресторанных счетов выдавались лимитные книжки. Они также широко продавались на рынке. Например, лимитную книжку с правом скидки на 35 % на сумму в 10 тысяч рублей можно было купить за 2 тысячи рублей. Заплатив эти 2 тысячи рублей, ты мог посещать ресторан, получая каждый раз скидку 35 %, при этом у тебя из предъявленной книжки вырезали талоны на сумму скидки, и так, пока не кончались талоны на общую сумму 10 тысяч рублей. Приводимые цифры, конечно, примерные. Инфляция рубля достигала очень высокого уровня; буханка хлеба стоила, например, 500 рублей на рынке.

Определённый сегмент рынка составляла продажа финансовых продуктов (терминология современная). Все годы войны в стране выпускались облигации военных займов, на которые практически в принудительном порядке подписывались все работающие в стране люди. При этом минимальная сумма займа, который занимал работник государству, не могла быть менее среднемесячного заработка за год, вычитаемая в течение 10 месяцев. В условиях займов оговаривалось, что возврат средств и процентов в качестве выигрышей будет осуществляться после окончания войны. Кроме того, в годы войны никому из работников не представлялся ежегодный отпуск.

Вместо него представлялась денежная компенсация в виде денежного документа, по которому после окончания войны следовало получить указанные в документах суммы средств.

Так вот, эти облигации и «компенсации» представляли огромную массу денежных обязательств, по которым государство обещало отдать долги после. Эти документы бойко продавались. Разумеется, продавались с огромным дисконтом. Если в 1942 и 1943 годах они практически никого не интересовали, то в 1944, когда уже был близок конец войны, эти документы начали быстро обретать свою цену. На Центральном рынке в Москве во второй половине 1944 года они продавались за 8-10 % их номинальной стоимости. Я и сейчас слышу многоголосый хор: «Кому облигации и компенсации!!!». Находились и покупатели. Было немало людей, которым описанная рыночная ситуация помогала приумножать своё благосостояние.

После окончания войны, в 1947 году вместе с основной массой денежных средств эти компенсации и облигации были уценены и десятки раз и обменены на новые государственные облигации займа 1947 года. Возврат средств по этому займу и выплата процентов в виде выигрышей были рассчитаны на 20 лет, т. е. до 1967 года.

Так что, кто покупал эти государственные обязательства в годы войны с надеждой разбогатеть в послевоенные годы и платил за них более 5 % их номинальной стоимости, оказался в убытке, а во многих случаях и весьма ощутимом.

Это был большой рынок, действующий в объятиях сверхцентрализованной плановой экономики, характерной для военного времени.

Довольно широко продавались на рынке и книжки. В основном, это были издания довоенных лет. Но я проходил мимо, обременённый многочисленными новыми для меня заботами: учёбой, более требовательной, чем в Уфимском авиационном институте, отсутствием материального уровня жизни, достаточного для приобретения книг и их хранения — все эти причины пригасили книгособирательский пыл, характерный для меня в предвоенные годы. Так продолжалось довольно длительное время, пока мне не встретился в продаже один из томов собрания сочинений А. Дюма. Да не какой-нибудь, а с последними частями трилогии о д'Артаньяне — пятой и шестой частями романа «Десять лет спустя». Мечта узнать, чем кончилась карьера д'Артаньяна и его друзей сохранилась у меня с детских лет.

До войны мне так и не удалось прочесть все книги о д'Артаньяне и узнать судьбу моего любимого в то время героя. Дело в том, что в довоенные советские годы книги этой известной трилогии А. Дюма издавались мизерным тиражом 5-10 тысяч экземпляров. Издавало эти книги издательство «Академия», пожалуй, лучшее издательство советского периода.

В начале «Три мушкетёра», «Двадцать лет спустя» — 2 тома, «Десять лет спустя» — 3 тома были изданы в конце двадцатых годов, а в середине тридцатых это же издательство начало повторный выпуск этих книг, но переиздать успело только первые три книги,

так как в 1937 году оно было ликвидировано. Поэтому, прочитав эти переизданные книги, их в отличие от первого издания ещё можно было получить в библиотеках, и, не видя никогда трёх томов «Десять лет спустя», изданных ранее, решил, что на этом история д'Артаньяна заканчивается. И когда перед самой войной стали выходить томики «Десять лет спустя», я был немало удивлён. Но успело выйти лишь первые две части, составлявшие ранее первый том, и что есть какое-либо продолжение этой эпопеи я не знал до этой знаменательной для меня покупки. И не знал, что до революции в качестве приложения к журналу «Природа и Люди» в 1912-1913 гг. было издано собрание сочинений А. Дюма в 24х томах, в которое, конечно, входили и все книги о жизни д'Артаньяна. Именно в этом издании мне попался томик с последними частями романа «Десять лет спустя». После его покупки и немедленного прочтения я, наконец, узнал о судьбе моего героя. Но прошло ещё много времени, пока мне удалось добыть третью и четвёртую части и, таким образом, моё прочтение этой популярной эпопеи А. Дюма продолжалось практически 10 лет, с 1937 по 1947 годы. Современный читатель может улыбнуться, прочитав эти строки. Ведь сейчас эти книги многократно переизданы огромными тиражами, и купить их можно, по крайней мере в Москве, в течение одного дня.

В первые послевоенные годы книг выходило очень мало. Имеется в виду художественная литература, а не политическая и военизированная. Лучшие книги печатались в Лейпциге, так сказать, трофейные пе-

чатания. Типографии и бумага — немецкие, редакционная работа — наша. Среди вышедших, так называемых «Лейпцигских» книг, можно добрым словом вспомнить собрания сочинений Н. В. Гоголя в бти томах, М. Ю. Лермонтова в 4х томах, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Короли и Капуста» О. Генри, «Отверженные» В. Гюго, «Малахитовую шкатулку» П. Бажова. Все книги, выпущенные в немецких типографиях, были исполнены в полиграфическом качестве великолепно. Лучшего Лермонтова, пожалуй, не издали за прошедшие более чем полвека. Однако студент мог купить их тогда только с рук, по цене значительно превышающей номинал.

Так как до 1947 года с букинистической торговлей я не сталкивался, то круг моего пополнения библиотеки ограничивался современными изданиями.

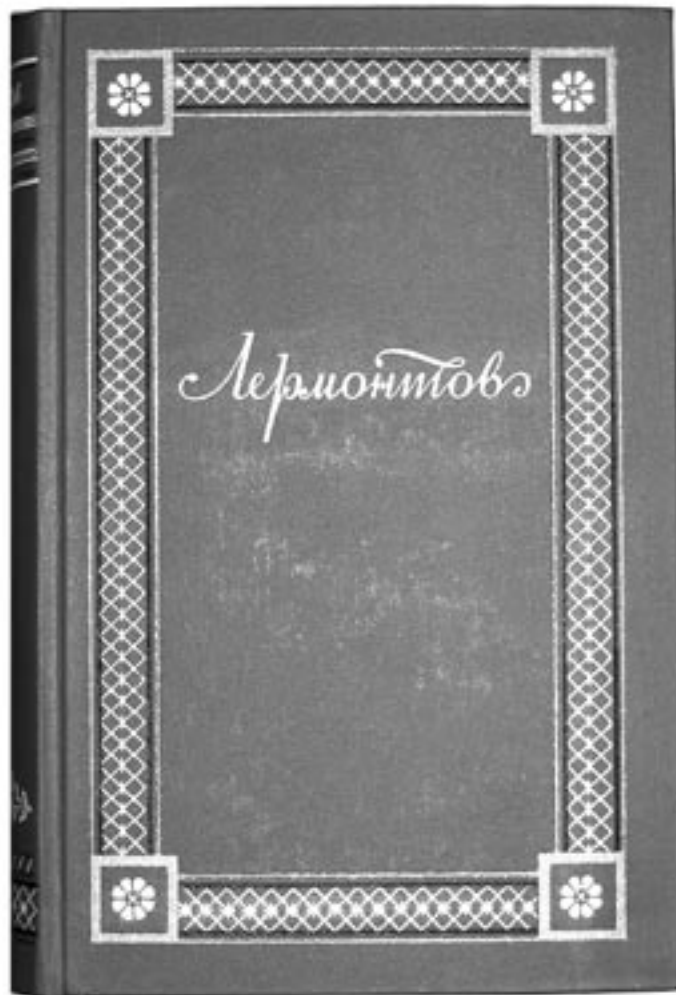
Серьёзнейшим толчком в дальнейшем собирании книг стала для меня, как это ни парадоксально звучит, знаменитая сталинская денежная реформа, которая проводилась в декабре 1947 года. В её преддверии весь народ уже знал, что она состоится, не знали точно, когда именно, и, главным образом, на каких условиях. Поэтому многие из людей прилагали определённые усилия, чтобы избавиться от купюр ещё действующих, но уже, как бы, старого образца.

К их числу относился и я. Будучи студентом, я не располагал какими-либо серьёзными денежными средствами, но те, которые были у меня к тому времени, истратить на еду, либо на другие текущие расходы было трудно (ещё действовала карточная система нормирования и не только продуктов питания)

и не интересно. Вот и пришло решение потратить имевшиеся у меня деньги на книги. Тогда действовал в Москве (не официально, конечно) на Кузнецком мосту книжный рынок, где продавались книги, главным образом подержанные, да, собственно, других тогда практически не было.

Это было моё первое знакомство с миром букинистической торговли. Я пошёл на этот рынок спасать свои обесценивающиеся купюры. И как это ни странно, встретил продавца, который продавал книги, меня заинтересовавшие. И денег у меня на их покупку хватало. Это были несколько приключенческих романов канадца Д. О. Кэрвуда, о котором я слышал ранее, но книг не видел, а также несколько томов француза А. Ренье, о котором никогда не слышал. Хотя мне шёл 22й год, и я уже был женат. Эта покупка состоялась в конце ноября 1947 года. Цены буквально на всё стремительно росли, ожидая обмена денег. Но в начале декабря реформы ещё не было.

Получив ещё немного денег от родителей из Челябинска, где они тогда жили, я стал думать, чтобы мне ещё купить. Так как у меня уже было собрано несколько десятков книг, я решил купить книжный шкаф. С этой целью я отправился на Перовский рынок (его теперь нет). Это была огромная толкучка, где продавалось всё, что угодно. Находилась эта «барачка» близ шоссе Энтузиастов, недалеко от завода «Серп и молот». Обходя ряд за рядом торгующий народ, я спрашивал у каждого: «Нет ли у него для продажи какого-либо книжного шкафа?». На мою удачу, одна женщина, видимо очень нуждающаяся в деньгах,

сказала, что у неё есть небольшой шкаф, с которым она бы могла расстаться, но только ей именно сегодня нужны деньги. Я согласился, и мы поехали к ней домой. Шкаф действительно был небольшой и довольно плохонький с червоточинками, но со стеклянной дверцей. Время в тот день было уже позднее и, согласившись на цену, у меня оставались деньги только на наем грузовика для перевозки шкафа к себе домой. Но тут возникло обстоятельство, которое теперь вспоминаю с удивлением. Посвятив определённое время обсуждению достоинств шкафа, хозяйка вдруг заметила, что ей надо выгружать находившиеся в шкафу книги. В запале торговли я не обратил внимание, как это покажется не удивительным, что почти половина шкафа была заполнена книгами. Хозяйка шкафа сказала: «Или вы забираете шкаф с книгами или наша сделка не состоится, мне некуда девать эти книги».

Мне пришлось согласиться, при этом я даже не посмотрел толком, какие там книги. Единственно, что я заметил, что они были дореволюционного издания, что в то время для меня положительным не являлось. Когда же я водрузил шкаф и полученные столь необычным образом книги в свою комнату на пятый этаж не хрущёвского дома, я стал внимательно знакомиться с ожидаемым и неожиданным приобретениями. Шкаф действительно был, мягко говоря, средненького качества, а книги? Книги меня сильно заинтересовали. Это были, в основном, разрозненные тома собраний сочинений, издаваемых А. Ф. Марксом в качестве приложений к журналу «Нива». Неполные собрания сочинений Короленко, Ибсе-

на, Гамсуна и ряда других писателей. Я такие книги раньше никогда не видел и ничего о них не знал. Особенно меня поразили 19 томов собрания сочинений Л. Н. Толстого в издании Сытина с металлическими головками на переплётах. Я, естественно, не знал тогда, что их должно быть всего 20. Через неделю, 17 декабря, наконец была проведена реформа.

Я не знаю, успела ли бывшая хозяйка шкафа потратить полученные от меня деньги на известные ей цели. Но когда после реформы я пришёл в букинистический магазин на Сретенке, в районе которой тогда жил, и рассказал знакомому мне товароведу о своей покупке, он тут же мне сообщил, что в собрании Толстого отсутствует лишь один том, я помню это как сейчас; четырнадцатый (в нём были опубликованы драматические произведения), и что он готов мне такой том продать немедленно.

Полное же собрание в этом издании, как он мне сказал, стоит уже в новых купюрах в сумме большей, чем я заплатил за шкаф и книги в старых. А когда я поинтересовался о стоимости томиков Кэрвуда и Ренье, купленных мною ранее, то ситуация оказалась аналогичной. Так я узнал, что книги наряду со своей потребительной стоимостью, используя терминологию К. Маркса, имеют также свою стоимость и не простую.

Таким чудесным образом с 1947 г. и началось серьёзное собирание книг моей второй библиотеки. Под словом «серьёзное» я имею в виду целенаправленное по тематике и многостороннее изучение книг, как предметов материальной культуры, т. е. качества

бумаги, печати, наличия и способа воспроизведения иллюстраций и т. д.

Знакомство с миром старых книг

Когда я начал собирать книги, то ещё не очень понимал значения этого слова «собирать». Я считал, что собирание заключается в систематической покупке книг, выходящих из печати. Разумеется, тех, которые мне нравились. В те годы, да и позже, выходило довольно мало книг, которые подходили под это определение «нравились». Ведь то, что нравилось одним читателям, могло совершенно не нравиться другим. Если рассматривать книги как товар, то надо признать, что это «штучный» товар. И никогда книголюб не может прийти в книжный магазин и сразу купить всё, что ему хотелось бы иметь. В этом и прелесть книжного собирательства, что просто купить, что хочешь собрать, практически невозможно.

Я это отчётливо понял тогда, когда достоверно для себя выяснил, что желаемый состав будущего собрания купить одновременно невозможно. Желаемые книги выпускались не одну сотню лет, и собирать их будет неизбежным тоже много лет. А это означает, что центр тяжести покупок такими собирателями перемещается из магазинов, занимающихся продажей новых книг, в букинистические магазины. Ясно осознав это, я и отправился в эту страну.

Постепенно я узнал адреса московских букинистических магазинов и стал регулярно их посещать.

Будучи студентом, у меня была возможность ежедневно бывать в той или иной группе таких магазинов. Условно эти группы можно было бы разделить по территориальному признаку: первая группа — 5 магазинов в районе начала Тверской улицы, 4 магазина в районе, примыкающем к Лубянке, и 4 магазина в районе Арбата. В те первые послевоенные годы население города и близлежащих областей (в них не была организована букинистическая торговля) приносило довольно много старых книг для продажи. В магазинах для сдачи книг почти всегда стояли очереди.

Тогда-то я понял, что, очевидно, более трёх четвертей всех изданных в нашей стране книг выпущены до революции. Внимательно знакомясь с ассортиментом продаваемых книг, я обратил внимание, что многие постоянные покупатели, к их лицам я уже немного привык, спрашивали у продавцов, нет ли у них отдельных выпусков, книжечек или томов собраний сочинений разных писателей. К моему несказанному удивлению некоторые из покупателей, приобретая книжку какого-нибудь собрания сочинений, которая начиналась, например, со 161ой и заканчивалась 320ой страницей и не имела внутри себя ни одного названия произведения или его отдельной части, радовались как дети.

Когда же я поинтересовался у одного такого покупателя, чему он радуется, он мне ответил, что в его подборке собраний сочинений этого писателя, скажем, например, Станюковича в издании А. Ф. Маркса не хватает нескольких книжек, и сейчас он купил одну из них, приблизив конец составления полного